

КЛАССНАЯ КЛАССИКА

Любовь Воронкова

ДЕВОЧКА
ИЗ ГОРОДА

✠ Machaon

Любовь Федоровна Воронкова

Девочка из города

Серия «Классная классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68676133

Девочка из города : повесть / Любовь Фёдоровна Воронкова ; вступ.

ст. Н. Дровалёвой ; рис. Н. Курбановой: Махаон, Азбука-Аттикус;

Москва; 2022

ISBN 978-5-389-21304-3

Аннотация

Любовь Фёдоровна Воронкова – классик детской литературы, замечательная детская писательница, обладающая светлым и добрым талантом. Она писала для всех возрастов – от «Маши-растеряши» для малышей до исторических произведений о походах Александра Македонского, адресованных подросткам. Простая и удивительно трогательная повесть «Девочка из города» рассказывает о шестилетней Валентинке, оставшейся в годы войны сиротой. И о том, как она нашла новую семью в доме простой деревенской женщины, полюбившей её как родную дочь.

Содержание

«Когда любишь – не страшно. И ничего на свете тогда не страшно»	8
Вступление	12
Утро	22
Страшный дед. Таиске попадает от матери	29
Новые знакомые	36
Мать устраивает необыкновенную баню	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Любовь Воронкова Девочка из города

Иллюстрации

Нины Курбановой

Вступительная статья
Наталии Дровалёвой

© Воронкова Л.Ф., наследники, 2022

© Курбанова Н.М., иллюстрации, 2022

© Вступительная статья, оформление. ООО «Издатель-
ская Группа «Азбука-Аттикус», 2022 Machaon®

«Когда любишь – не страшно. И ничего на свете тогда не страшно»

Любовь Фёдоровна Воронкова (1906–1976) родилась в Москве. Её детство прошло на Старой Божедомке – такое название носила одна из улиц, находившихся тогда почти у самой окраины города (ныне улица Дурова). Попав на Божедомку, можно было подумать, что ты вовсе не в Москве, а где-нибудь в деревне: кругом ютились маленькие деревянные домики с приветливыми окошками, а кое-где летом трава поднималась выше колен – душистая, свежая, цветущая...

Маленькая Люба очень любила рисовать, ведь с помощью карандашей можно было изобразить и дворника, встававшего раньше всех во дворе, и маму с папой, и своих подружек, которые, облокотившись на стол, внимательно следили за карандашами.

Рисунки с каждым разом становились всё сложнее и удивительнее, стало ясно – у девочки талант. Люба решила поступать в Строгановское училище, но мечтам не суждено было сбыться. После начала Гражданской войны семье будущей писательницы пришлось перебраться в деревню. В большом городе многим стало жить голодно и холодно, а семье с детьми и подавно. Беззаботная жизнь закончилась, Ворон-

ковы ютились в маленькой избушке, но и здесь были свои радости. В доме очень любили книги и по вечерам в редкие минуты отдыха читали вслух Гоголя, Пушкина, Шекспира.

Была у Любы и ещё одна отдушина – прогулки. Девочка наблюдала, как проворно скачут воробьи – охотники до куриного корма, как пробегает ветер по веткам берёз, как идут облака по небу, слушала пение чижей, доносившееся из соседней рощицы. Всё это потом встретится нам в её рассказах и повестях.

После возвращения в Москву Люба стала домработницей, бралась за любую работу, а по вечерам посещала литературный кружок.

Первый рассказ для детей «Чёрная смородина» вышел в 1932 году, а спустя восемь лет появился сборник «Шурка», который она назвала в честь любимого брата.

После этого Воронкова уже не могла расстаться с писательским делом. Так появились повести «Старшая сестра» (1955), где рассказывается о дружбе и верности, об отношениях в школьном коллективе, о дружных семьях, о честности и лицемерии, о взаимовыручке и предательстве; автобиографическая повесть «Детство на окраине» (1959), «Волшебный берег» (1964) и ещё много других её сочинений.

Воронкова считала, что работать нужно в любых обстоятельствах. Повесть «Девочка из города» написана во время Великой Отечественной войны в 1943 году. Её героиня, девочка по имени Валентина, очутившаяся в деревне, – круг-

лая сирота. Отца убили на фронте, а мать погибла при бомбёжке. И хотя у Дарьи, решившей приютить сиротку, трое собственных детей, она оставляет девочку у себя, понимая, что в военное время – это самая настоящая авантюра, прокормить бы своих.

Соседи убеждали Дарью, что напрасно она приютила Валентину, чужое не приживается, что не получится из девочки хорошей работницы, уж больно она худенькая. Но, как была уверена писательница, «людей надо слушать, когда они доброе говорят. А когда говорят злое – слушать нечего, не то что повторять». Валентинка всё-таки остаётся жить в семье Дарьи, где ей приходится привыкать к тяжёлому деревенскому быту, но вместе трудности со временем преодолеваются. А если ты любишь и тебя любят, тогда ничего не страшно, и всё ещё впереди!

Наталья Дровалёва,

кандидат филологических наук

Вступление

Как девочка в синем капоре появилась в селе Нечаеве

Фронт был далеко от села Нечаева. Нечаевские колхозники не слышали грохота орудий, не видели, как бьются в небе самолёты и как полыхает по ночам зарево пожаров там, где враг проходит по русской земле. Но оттуда, где был фронт, шли через Нечаево беженцы. Они тащили салазки с узелками, горбились под тяжестью сумок и мешков. Цепляясь за платье матерей, шли и вязли в снегу ребяташки. Останавливались, грелись по избам бездомные люди и шли дальше.

Однажды в сумерки, когда тень от старой берёзы протянулась до самой житницы, в избу к Шалихиным постучались.

Рыжеватая проворная девочка Таиска бросилась к боковому окну, уткнулась носом в проталину, и обе её косички весело задрались кверху.

– Две тётеньки! – закричала она. – Одна молодая, в шарфе! А другая совсем старушка, с палочкой! И ещё... глядите – девчонка!

Груша, старшая Таискина сестра, отложила чулок, который вязала, и тоже подошла к окну.

– И правда девчонка. В синем капоре...

– Так идите же откройте, – сказала мать. – Чего ждёте-то?

Груша толкнула Таиску:

– Ступай, что же ты! Всё старшие должны?

Таиска побежала открывать дверь. Люди вошли, и в избе запахло снегом и морозом.

Пока мать разговаривала с женщинами, пока спрашивала, откуда они, да куда идут, да где немцы и где фронт, Груша и Таиска разглядывали девочку.

– Гляди-ка, в ботиках!

– А чулок рваный!

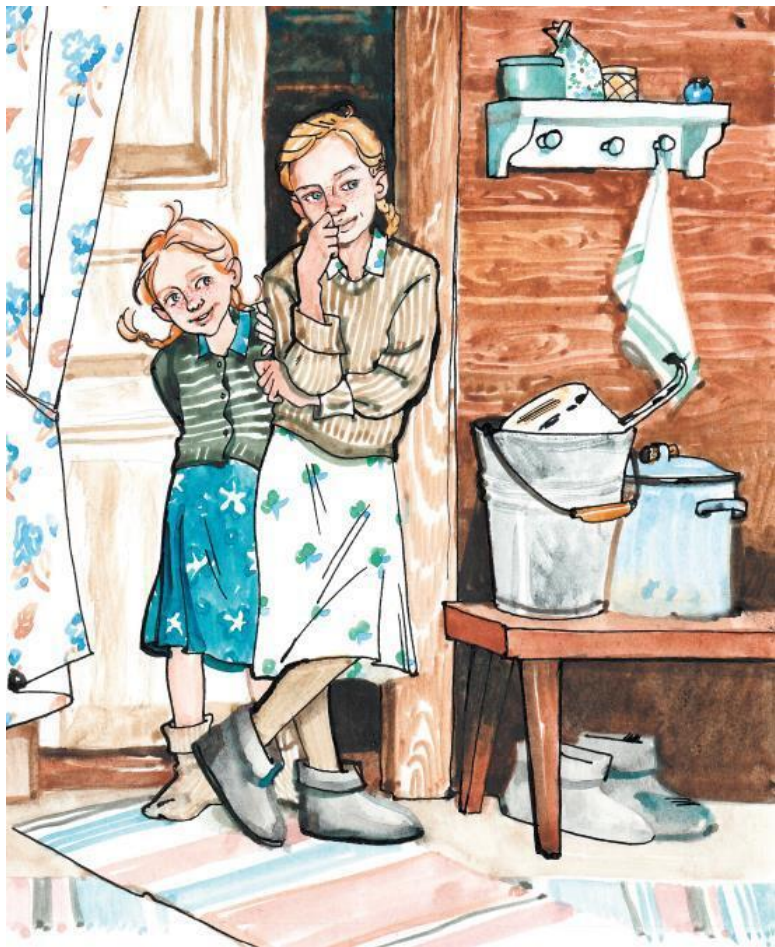
– Гляди, в сумку свою как вцепилась, даже пальцы не разжимает. Чего у ней там?

– А ты спроси.

– А ты сама спроси.

В это время явился с улицы Романок. Мороз надрал ему

щёки. Красный как помидор, он остановился против чужой девочки и вытаращил на неё глаза. Даже ноги обмести забыл.

А девочка в синем капоре неподвижно сидела на краешке

лавки.

Правой рукой она прижимала к груди жёлтую сумочку, висевшую через плечо. Она молча глядела куда-то в стену и словно ничего не видела и не слышала.

Мать налила беженкам горячей похлёбки, отрезала по куску хлеба.

– Ох, да и горемыки же! – вздохнула она. – И самим нелегко, и ребёнок мается... Это дочка ваша?

– Нет, – ответила женщина, – чужая.

– На одной улице жили, – добавила старуха.

Мать удивилась:

– Чужая? А где же родные-то твои, девочка?

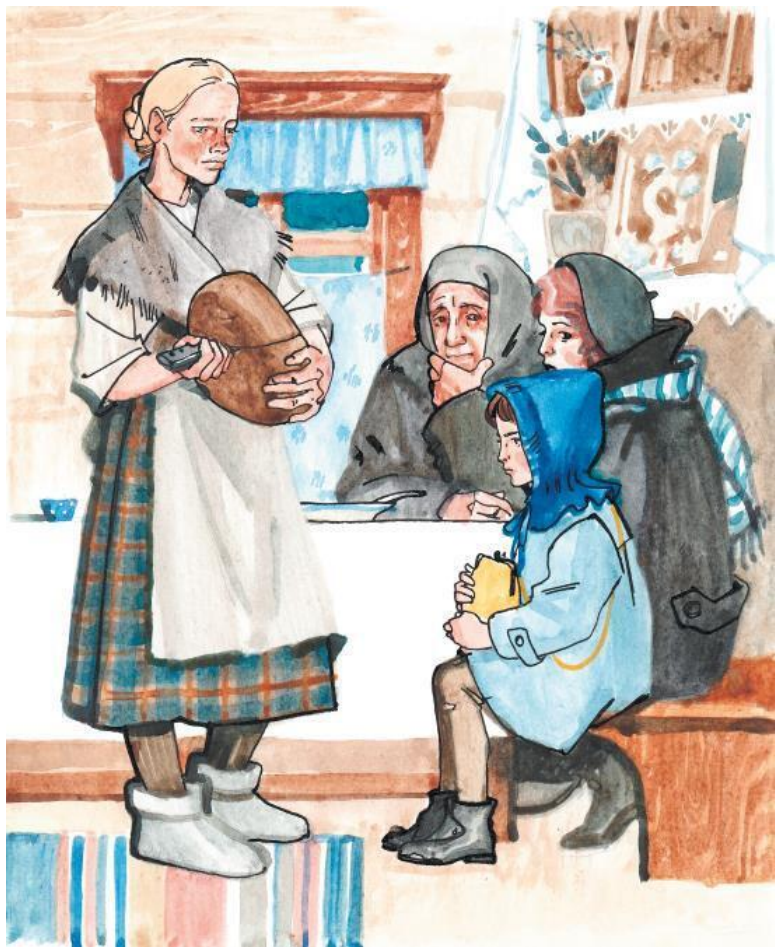
Девочка мрачно поглядела на неё и ничего не ответила.

– У неё никого нет, – шепнула женщина, – вся семья погибла: отец – на фронте, а мать и братишка – здесь. Убиты...

Мать глядела на девочку и опомниться не могла.

Она глядела на её лёгонькое пальто, которое, наверно, насквозь продувает ветер, на её рваные чулки, на тонкую шею, жалобно белеющую из-под синего капора...

Убиты. Все убиты! А девчонка жива. И одна-то она на целом свете!

Мать подошла к девочке.

– Как тебя зовут, дочка? – ласково спросила она.

– Валя, – безучастно ответила девочка.

– Валя... Валентина... – задумчиво повторила мать. – Валентинка...

Увидев, что женщины взялись за котомки, она остановила их:

– Оставайтесь-ка вы ночевать сегодня. На дворе уже поздно, да и позёмка пошла – ишь как замедает! А утречком отправитесь.

Женщины остались. Мать постелила усталым людям постели. Девочке она устроила постель на тёплой лежанке – пусть погрееется хорошенько. Девочка разделась, сняла свой синий капор, ткнулась в подушку, и сон тотчас одолел её. Так что, когда вечером пришёл домой дед, его всегдашнее место на лежанке было занято, и в эту ночь ему пришлось улечься на сундуке.

После ужина все уgomонились очень скоро. Только мать ворочалась на своей постели и никак не могла уснуть.

Ночью она встала, зажгла маленькую синюю лампочку и тихонько подошла к лежанке. Слабый свет лампы озарил нежное, чуть разгоревшееся лицо девочки, большие пушистые ресницы, тёмные с каштановым отливом волосы, разметавшиеся по цветастой подушке.

– Сиротинка ты бедная! – вздохнула мать. – Только глаза на свет открыла, а уж сколько горя на тебя навалилось! На такую-то маленькую!..

Долго стояла возле девочки мать и всё думала о чём-то. Взяла с пола её ботики, поглядела – худые, промокшие. Завтра эта девчужка наденет их и опять пойдёт куда-то... А куда?

Рано-рано, когда чуть забрезжило в окнах, мать встала и затопила печку. Дед поднялся тоже: он не любил долго лежать. В избе было тихо, только слышалось сонное дыхание да Романок посапывал на печке. В этой тишине при свете маленькой лампы мать тихонько разговаривала с дедом.

– Давай возьмём девочку, отец, – сказала она. – Уж очень её жалко!

Дед отложил валенок, который чинил, поднял голову и задумчиво поглядел на мать.

– Взять девочку?.. Ладно ли будет? – ответил он. – Мы деревенские, а она из города.

– А не всё ли равно, отец? И в городе люди, и в деревне люди. Ведь она сиротинка! Нашей Таиске подружка будет. На будущую зиму вместе в школу пойдут...

Дед подошёл, посмотрел на девочку:

– Ну что же... Гляди. Тебе виднее. Давай хоть и возьмём. Только смотри, сама потом не заплачь с нею!

– Э!.. Авось да не заплачу.

Вскоре поднялись и беженки и стали собираться в путь. Но, когда они хотели будить девочку, мать остановила их:

– Погодите, не надо будить. Оставьте Валентинку у меня! Если кто родные найдутся, скажите: живёт в Нечаеве, у Дарьи Шалихиной. А у меня было трое ребят – ну, будет четверо. Авось проживём!

Женщины поблагодарили хозяйку и ушли. А девочка осталась.

– Вот у меня и ещё одна дочка, – сказала задумчиво Дарья Шалихина, – дочка Валентинка... Ну что же, будем жить.

Так появился в селе Нечаеве новый человек.

Утро

Валентинка не помнила, как уснула на тёплой лежанке. Голоса слились и отдалились, будто где-то смутно бормотало радио.

Откуда-то появился старик с косматыми бровями, наклонился над ней, что-то говорил. И потом пропал. Был он на самом деле или приснился Валентинке?

Она проснулась оттого, что звякнули ведром. Ей показалось, что это пуля звякнула в окно, и она вскочила, еле сдержав крик: «Немцы!»

Но тут же опомнилась. Тишина окружала её. На бревенчатых стенах, проконопаченных светлой паклей, лежали блед-

ные солнечные полосы. Замороженные окошки тихо светились. Какие маленькие окошки! Совсем не похожие на те высокие окна, которые были в их доме.

Их дом!

Мёртвые серые стены с дырами вместо окон, груды извёстки и кирпича возле дверей – вот каким в последний раз она видела этот дом...

Густое тепло окутывало Валентинку. Оно проникало сквозь подстилку – лежанка была хорошо прогрета. Оно заполняло густые завитки бараньего тулупа, которым была укрыта Валентинка. В первый раз за много дней и ночей она почувствовала, что согрелась.

А ей среди снеговых просторов уже начинало казаться, что всё её тело пронизано тонкими льдинками, которые больше никогда не растают. А вот сейчас она чувствует, что этих льдинок больше нет и что вся она живая и насквозь тёплая.

В кухне хозяйка топила печь. Весёлые отблески огня играли на стене. На печке кто-то сладко посапывал. Валентинка заглянула туда. Краснощёкий, вихрастый парнишка крепко спал, оттопырив губы.

«Романок! – вспомнила Валентинка. – А где же девочки?» И тотчас почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Валентинка приподнялась, оглянулась. Солнечные полосы на стенах стали ярко-жёлтыми, на замороженных стёклах заиграли огоньки. Солнечный денёк начинался на улице!

А из угла, из-за спинки грубой деревянной кровати, любопытными глазами глядела на неё рыжеватая девчонка. Светлые косички, будто рогульки, торчали кверху.

Валентинка узнала Таиску.

– А твои тётеньки ушли! – сказала Таиска.

Валентинка встревоженно оглядела избу:

– Ушли? А меня... А я как же?

– А ты у нас будешь жить. Мне мамка сказала. Тебе хочется у нас жить?

– Не знаю. Мне всё равно.

– А ты фашистов видела? Они страшные?

Валентинка молчала. Когда начинали говорить про немцев, у неё каменело сердце. Но Таиска не унималась:

– А немцы прямо к вам в дом пришли, да?..

Из кухни появилась мать.

– Это кто здесь про немцев затеял? – сердито сказала она. – Больше разговоров не нашли? Картошка сварилась, вставайте чистить!

Потом подошла к Валентинке и ласково спросила:

– Отогрелась?

Таиска живо соскочила с постели и растолкала Грушу. Груша поднялась лениво. Она была пухлая, белая, похожая на булку. Она одевалась, а сны всё ещё снились ей. Далёкими глазами посмотрела она на Валентинку: может, и Валентинка ей тоже снится?

Девочки уселись возле чугуна с картошкой. Над чугуном

поднимался горячий пар.

– Мамка, гляди-ка! – шепнула Таиска, показывая на Грушу.

Груша в полусне вместо ножа взяла ложку и водила ею по картошине. Мать и Таиска громко рассмеялись.

Груша очнулась, бросила ложку и сказала:

– Тогда пусть и Валентинка встаёт картошку чистить. Старшие чистят, а она нет?

– Вставай, дочка, пора! – сказала мать.

Валентинка с сожалением вылезла из-под тулупа. Она умылась над кадкой и тоже подошла к чугуну.

Как чудно! Чужая женщина зовёт её дочкой. Значит, и Валентинка должна называть её мамой?

Валентинка чистила горячую картошку, обжигала пальцы, а сама то и дело взглядывала на хозяйку. Худенькая женщина с гладкими светло-русыми волосами. На лбу у неё три морщинки. Сквозь рыжеватые ресницы весело поглядывают яркие синие глаза. Может быть, она добрая... Только совсем, совсем не похожа она на молодую черноволосую Валентинкину маму.

«Мама! Мамочка!..»

Страшный дед.

Таиске попадает от матери

Дверь хлопнула. Кто-то вошёл в избу. Валентинка оглянулась и чуть не уронила картошину. Лохматый старик, который пригрелся ей вчера, стоял у порога и снимал полушубок.

– Кто это? – прошептала она.

– Это наш дедушка, – ответила Таиска. – Отцов отец.

Какие густые белые у него кудри! И какие косматые брови, даже глаз не видно!

Вот таким стариком пугали Валентинку, когда она была

совсем маленькая: «Если будешь плакать, придёт старик с мешком и заберёт тебя!» Теперь она будет жить у этого старика в доме и называть его дедушкой. А он, как видно, сердитый...

Мать поставила на стол блюдо картошки со шкварками.

Романок почувствовал вкусный запах и сразу поднял вихрастую голову:

– Ишь какие! Сами едят, а меня не зовут!

– Спать-то и не евши можно, – ответил дед.

Но Романок уже соскочил с печки.

Валентинка не знала, куда ей садиться.

– Садись к окошку! – шепнула ей Таиска.

Валентинка села. Это было самое удобное место: и никто не толкает, и можно в проталинку заглядывать на улицу.

– Мамка! – вдруг закричала Груша. – Ну посмотри, она на моё место села!

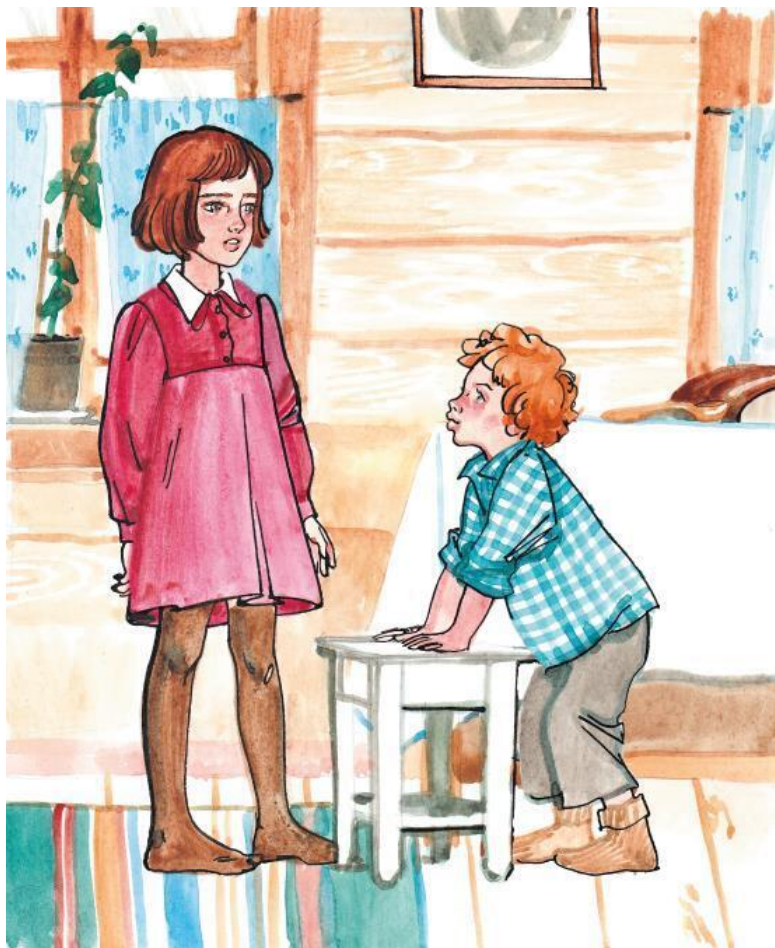
– Ну и что ж! – ответила мать. – Пусть сидит.

– Нет, не пусть! Я всегда там сижу! Уходи оттуда, постарше тебя есть!

Валентинка молча встала. Но, когда она хотела сесть на табуретку, которая стояла рядом, Романок закрыл её руками:

– Не садись! Это я принёс!

– Иди сюда, – сказала мать Валентинке, – садись рядом со мной. Да руки-то, не стесняйся, протягивай. Бояться тебе некого, ты теперь здесь не чужая.

Валентинка ждала, когда ей дадут тарелку. Но никаких та-

релок не подали на стол, а все ели прямо из большой миски. Ложки у неё тоже не оказалось. Она сидела молча, положив руки на колени, и не знала, что делать.

– Ты что же не ешь? – спросила мать. – У нас зевать некогда, как раз без завтрака останешься.

Романок и Таиска переглядывались и потихоньку смеялись чему-то.

– Ты что же это, видно, картошку не любишь? – сказал дед. – Ну, да ведь у нас не город. Колбасу не продают.

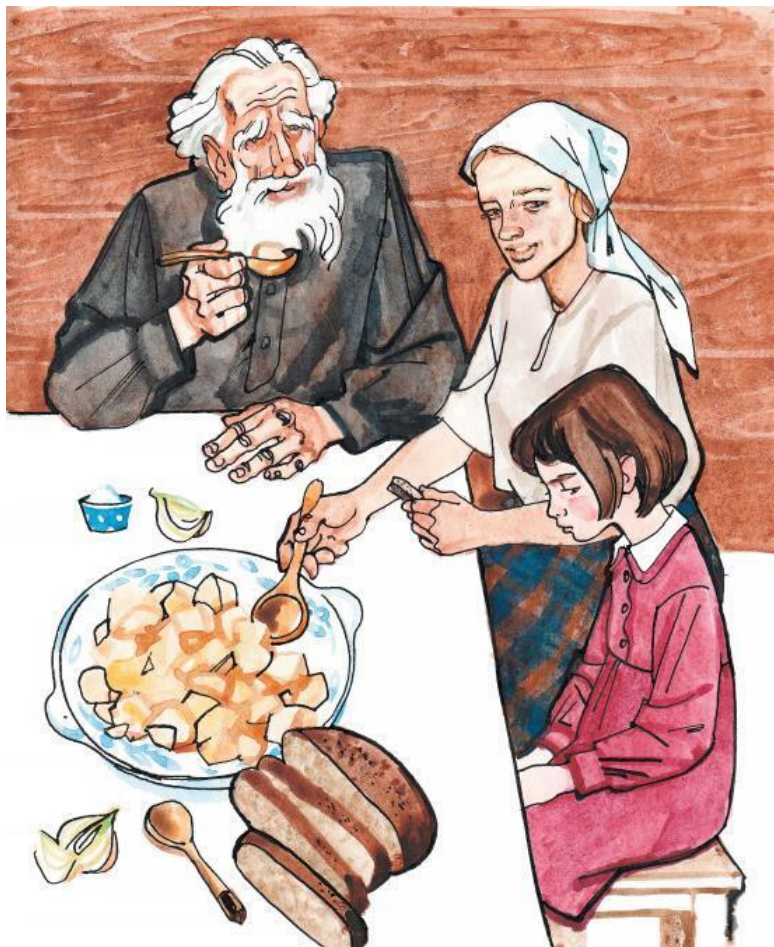
Валентинка сидела опустив голову. Она думала, что это ей нарочно не дали ложку и теперь смеются. Может, ей встать и уйти из-за стола?

– Да у неё ложки нет! – догадалась Груша. – Куда же она ложку дела? Ведь я всем подала.

– Как так нету? – живо сказала Таиска. – Да вот она лежит.

И она отодвинула хлебную ковригу, за которой притаилась деревянная ложка.

– Это что ещё? – закричала мать. – Что за фокусы?.. Валентинка, возьми ложку да хлопни её по лбу, чтоб ей в другой раз неповадно было!

И тут же сама хотела хлопнуть Таиску. Но девчонка живо

юркнула под стол.

– Вот и сиди там! – сказала мать. – Мало тебе над Романом мудрить, так теперь к другой привязалась?.. А ты, Валентинка, что сидишь, как курица? Видишь – ложки нет, кричи: «Дайте мне ложку!» Разве можно себя в обиду давать?

– А меня Таиска один раз на худой стул посадила, – сказал Романок, – я даже шлёпнулся!

Таиске надоело сидеть под столом. Она вылезла с другой стороны, возле деда: здесь уж мать её ни за что не достанет!

Сначала Таиска сидела хмурая, но скоро всё забыла и опять повеселела. Когда налили чай, она придвинула Валентинке синюю мисочку и шепнула:

– Бери сахар!

Валентинка положила, как дома, две ложки. А Таиска уже снова сидела возле Романка, и снова оба давились от смеха.

Валентинка хлебнула чаю, сморщилась и поставила чашку обратно.

Таиска и Романок так и прыснули.

– Что, обварилась? – спросил дед. – Ты не по-городскому пей, а по-нашему, по-деревенски – из блюдечка. Вот и не обваришься.

– Мамка, – крикнула Груша, – гляди-ка, да они ей вместо сахару соли дали!

Мать хотела схватить Таиску за косички, но та выскочила из-за стола и убежала в горницу.

Мать налила Валентинке свежего чаю:

– Пей, дочка!.. А ты, Таиска, запомни: уж доберусь я до тебя – не проси милости!

Новые знакомые

Груша ушла в школу. В сумку с книгами она засунула бутылку молока, кусок хлеба и сладкую пареную брюкву. До обеда далеко – проголодаешься.

Таиска позвала Валентинку в горницу и вытащила из-под кровати ящик. Там лежали её куклы, все растрёпанные, раздетые, с облупленными носами. Но у Валентинки, когда она увидела их, даже румянец проступил на щеках. Как давно уже не играла она в куклы! Таиска схватила одну куклу за ногу, показала:

– Это Верка!

Другую подняла за косу:

– Это Клашка!

Потом снова пошвыряла в ящик:

– Ну их! Пойду на улицу!

Таиска убежала гулять. Романок увязался за ней.

Мать села чинить бельё: завтра суббота, надо всей семье баню устраивать, надо чистые рубашки приготовить.

А Валентинка подсела к ящику. И тотчас куклы ожили и заговорили с ней.

– Где вы были? – спросила Валентинка. – Почему вы такие растрёпанные? Почему вы голые?

– Это мы от немцев бежали, – отвечали куклы. – Мы всё бежали, бежали – по снегу, через лес...

– Ну ладно, ладно! Не будем про это говорить... Сейчас надо сшить вам платья. Посидите немножко.

Валентинка подошла к матери:

– Пожалуйста...

И запнулась. Валентинка не знала, как назвать её. Тётя Даша? Но ведь эта женщина её в дочки взяла! Значит, мама?..

А мать глядела и ждала, как девочка назовёт её.

– Пожалуйста... дайте мне иголку и ножницы.

Мать усмехнулась, подала ей иголку и ножницы. Девочка поспешно отошла.

Какое красивое жёлтое платье получается для Веры! Какое нарядное!

И вот в то время, когда Валентинка одевала в новое пла-

тье куклу, на крыльце раздался топот, смех, говор, и в избу ввалилась целая ватага девчонок и маленьких ребятишек. Впереди была Таиска.

– Что это? – удивилась мать. – Никак, всей деревней явились?

– Явились! – ответила Таиска.

– Вот хорошо-то! Не видали тут вас с вашим озорством!

– Да мы, мамка, не будем озоровать. Вот только девчонки Валентинку посмотрят, и всё. Ведь хочется же им посмотреть!

И не успела мать ответить, как орава уже хлынула в горницу. А чтоб не топтать полы, почти все сбросили у дверей валенки и зашлёпали босыми пятками по белым половицам.

Валентинка растерялась. Она смотрела то на одну, то на другую большими, немножко испуганными глазами. Чего они хотят? Что им надо?

Сначала все молчали. Девчонки подталкивали друг друга, хихикали и с любопытством разглядывали Валентинку.

Первой заговорила Таиска:

– Она городская! Всегда в городе жила! Там дома знаешь какие? Избу на избу поставь, и то мало!

Одна из девчонок, толстоногая Алёнка, под села к Валентинке:

– У тебя куклы были?

– Были, – тихо ответила Валентинка. – У одной глаза закрывались.

– А ещё чего было?

– Посуда.

– А мы посуду из глины делаем, – вмешалась черноглазая Варя. – Всё: и чашки и чайники...

– У! Ты погляди только, какая у нас посуда! – затараторила Таиска. – Только у меня побилась вся, вся до крошечки! Вот у Вари...

– А у меня? А у меня плохая? – закричала Алёнка. – У меня даже с цветочками!

И девочки наперерыв начали рассказывать Валентинке, как летом они ходили в овраг за глиной (в этом овраге даже пещерки сделались!), как мочили эту глину, как мяли, как лепили из неё кукам посуду, а потом сушили на солнце. И тарелочки делали, и чугушки, и кринки! А Славка Вихрев даже самовар сделал. И печку из глины сделали, и даже топили её прямо по-настоящему, настоящими дровами: и огонь горел, и дым в трубу шёл!..

Но им бы не догадаться это сделать, если бы не Груша. Груша тогда в школу пошла, и там учительница им показала, как из глины грибы лепить. Груша принесла глиняный гриб домой и показала Таиске. Вот Таиске в голову и пришло: «Если можно гриб слепить, то, может, и ещё что-нибудь можно?» А Груша говорит: «Больше ничего нельзя. Раз учительница показала гриб, значит, и можно только гриб». А вот они пошли в овраг да и начали всё лепить!

– А меня возьмёте посуду делать? – спросила Валентин-

ка. – А я сумею?

– Сумеешь, – ответила Таиска. – Романок и то чего-то слепил: не то санки, не то гуся.

– И вовсе танкетку! – сказал Романок. – Не разглядит ничего, а тоже!..

– А где этот овраг?

– А вот, за усадьбами. Только сейчас там сугробы!

– Весной пойдём, когда растает.

– А я знаю, где одна птичка живёт! – сказал Романок. – В малиннике. Как лето, так и опять там живёт. Гнёздышко и сейчас там висит...

– Птичка? – обрадовалась Валентинка. – И каждый год прилетает? В своё гнёздышко? Какая она – серенькая?

– Как зола. А грудка синенькая...

– Это варакушка.

– А ты почём знаешь? – удивилась Таиска. – Видела разве?

– Живую не видела, – ответила Валентинка, – а в книге видела. Такая маленькая, серая, с голубой грудкой... Ты мне её покажешь, Романок?

– А в этой книге и другие птицы были? – спросила Варя.

– Да. Там все птицы были, какие только есть на свете. Все нарисованы. Мама читала мне про них, а я глядела картинки. Там и колибри есть.

– Какие колибри?

– Такие. Маленькая птичка, с напёрсток. И вся будто драгоценными камнями усыпана, так и блестит!

– Такие не бывают, – сказала Алёнка.

– А вот и бывают! – крикнула Таиска. – Мало ли какие бывают! И не такие ещё – с горошину бывают!.. Правда, Валентинка?

– А где эта книга? – спросила Варя. – Ты её не принесла с собой?

– Нет.

– Эх ты, завязала бы в узелок и понесла!

– Я не знала...

– Что не знала?

– Я не знала, что всё так будет...

Таиска быстро оглянулась на мать и прошептала:

– А как всё было-то? Немцы твоих родных убили, да?

– Да.

– И мамку твою, да?

– Да.

Валентинка перестала улыбаться. Она тихо и безучастно положила в ящик куклу в жёлтом платье...

Ей сразу вспомнился страшный день, последний её день

в городе... Город бомбят. Их дом стоит, окутанный дымом и пылью. Вместо окон тёмные дыры. На ступеньки выбегает мама с маленьким Толей на руках. Валентинка видит её как живую. Вот она – в синем платье, с чёрной развевающейся прядкой волос. Она испуганно кричит: «Валя! Валечка!...» Вдруг – удар. Бомба... Валентинка опомнилась среди каких-то разбитых брёвен – видно, её отбросило волной – и отсюда увидела чёрную яму, груды обломков и клочья синего платья под рухнувшими кирпичами... Она царапала эти кирпичи, раскидывала их, кричала, звала маму. Мама не откликнулась. Чужие женщины оттащили её от развалин и насильно увели куда-то. И потом дорога, деревни, снега, лес... И всё время мороз...

– Вы чего там затихли? – беспокойно спросила мать. – Что случилось?

Она вошла в горницу и сразу увидела помертвевшее лицо Валентинки.

– Об чём разговор был, ну? – обратилась она к девчонкам. – Вы что ей сказали?

– Мы ничего... – ответила Варя. – Мы только про книжку...

– А про немцев даже и не говорили, – добавил Романок. – Таиска только спросила: правда, что её мамку фашисты убили?

Мать рассердилась. Ух, как она рассердилась, даже покраснела вся! Она схватила Таиску за руку, нашлёпала и вы-

гнала из горницы.

– Бессовестная! – кричала она на Таиску. – Жалости у тебя нету! Сердца у тебя нету! Или у тебя вместо головы пустой котелок на плечах?!

Таиска ревела, а девчонки, видя такую грозу, бросились в кухню, поспешно надели свои валенки и одна за другой шмыгнули за дверь.

– Иди сюда, дочка! – ласково сказала мать Валентинке. – Иди посиди со мной, послушай, что я расскажу тебе.

Валентинка молча уселась на скамеечку возле её ног. Мать рассказывала какую-то сказку. Валентинка не слышала её. Мама стояла у неё в глазах, стояла такая, какой она видела её в последний момент, испуганная, с развевающейся прядкой. И Толя, обхвативший её шею обеими руками...

«Мама! Мамочка! Мамочка!..» – повторяла про себя Валентинка, обращаясь не к этой живой, а к той, умершей. И вдруг посреди весёлой сказки она уткнулась в серый фартук женщины и громко заплакала.

Мать не утешала Валентинку. Она только гладила её тёмные волосы:

– Поплачь, поплачь, дочка! Поплачешь – сердце отойдёт...

Таиска, у которой давно высохли слёзы, с удивлением смотрела на Валентинку. Что это? Таиска ревела – так ведь её нашлёпали. А Валентинка чего ревет? Ведь ей же сказку рассказывали!

– Большая, а плачет, – сказал Романок. – Я, когда был большой, никогда не плакал!

– Дурачок! – прошептала мать и улыбнулась сквозь слёзы.

Мать устраивает необыкновенную баню

В субботу вечером, убрав скотину, мать вытащила из печки огромный чугунок с горячей водой и сказала:

– Ребятишки, готовьтесь!

– Сейчас в печку полезем! – закричала Таиска. – Париться!.. Валентинка, в печку полезем!

Валентинка думала, что Таиска вышучивает её. Как это они вдруг полезут в печку?

– Чудная эта Валентинка, – сказала Груша, – ничего не понимает. А ещё городская!

Тем временем мать вытащила из печки все горшки и кринки, настелила всюду свежей соломы – и в самой печке, и на шестке, и на полу возле печки. Налила в таз горячей воды, сунула в него берёзовый веник и поставила в печку.

– Баня готова, – сказала она. – Кто первый?

– Я! – закричала Таиска, живо сбрасывая платье. – Я готова!

– Ну уж нет, – возразила Груша, – ты успеешь. Тут и постарше тебя есть!

Но пока-то Груша говорила, пока-то развязывала поясок, Таиска уже залезла в печку. Мать прикрыла её заслонкой, а Таиска плескалась там и выкрикивала что-то от избытка веселья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.